

Запреты в жизни донских казаков

(На материале диалектологической экспедиции в ст. Раздорскую*)

Ткаченко С.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Вся повседневная и обрядовая жизнь человека ограничена запретами, или табу. Даже современный горожанин знает, что нельзя, например, оставлять на ночь нож на столе или смотреть в окно на похороны. В то же самое время архаические запреты, связанные с различными видами хозяйственных работ, например с ткачеством, становятся неактуальными и забываются. В наше время уже трудно найти людей, которые бы знали, как вести себя на свадьбе или похоронах в соответствии с традицией. Поэтому работа по сбору материала в станицах и хуторах Ростовской области является необходимой для того, чтобы восстановить и сохранить сведения о древних обрядах, традициях. Экспедиции по сбору материала по духовной культуре донских казаков проходят в старых станицах, где коренные жители сохранили частички традиционной культуры. Подобная диалектологическая экспедиция, состоявшая из студентов факультета филологии и журналистики РГУ и преподавателей кафедры общего и сравнительного языкознания, работала в ст. Раздорской в июле 2001 года.

Хотя в ст. Раздорской не проводился целенаправленный сбор запретов, представляющих для нас научный интерес, но тот материал, который был получен в процессе работы по другим программам, позволяет делать определенные выводы. Запреты — это правила, ограничивающие деятельность людей. Такое явление, как запрет, известно во всех мировых культурах — не исключение и культура донских казаков. Задача данной статьи — провести этнолингвистический анализ запретных формул и текстов, содержащих подобные формулы, записанных от жителей ст. Раздорской.

Запреты, о которых рассказали старожилы станицы, разнообразны и могут служить важным источником этнолингвистического изучения казачества. Это и запреты, существующие в рамках обряда, и запреты, ограничивающие повседневную жизнь человека.

Одна из самых многочисленных групп — это запреты для лиц, находящихся в определенном состоянии (беременные женщины), и для особых половозрастных групп (грудные младенцы). Это объясняется тем, что положение беременной женщины в представлениях носителей традиционной культуры было опасным и каждое её действие могло навредить будущему ребенку и ей самой. Подобным образом маркируется образ беременной женщины на общеславянском материале. Она «смерть носит», у неё две души. Беременная женщина представляла угрозу и для окружающих. Проклятие будущей матери обязательно сбывалось, поэтому считалось, что беременным нельзя отказывать, чтобы не навлечь на себя её гнев. Женщины в таком положении не могли исполнять некоторые обрядовые роли — быть крестной матерью, обмывать покойника. По народным верованиям, душа нерожденного ребенка еще принадлежит к миру мертвых, поэтому присутствие беременной на похоронах и любые контакты с покойником нежелательны, иначе ребенок мог так и остаться в «мире ином». Для того чтобы при родах не было осложнений, женщина на сносях не должна была выполнять некоторые работы: вязать, шить, рубить, резать — которые могли бы навредить будущему ребенку. Нельзя было совершать и другие действия, например, переступать через веревку, коромысло, пинать ногой кошку, смотреть на пожар и так далее [3].

В архиве Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ по ст. Раздорской содержится целый ряд запретов, касающихся новорожденного ребенка. Новорожденный находился в крайне уязвимом положении, поэтому считалось, что младенца нельзя показывать посторонним, чтобы избежать сглаза: «Показывать нельзя месяц, патаму шта у каво какой глас» [2]*. Маленького ребенка нельзя класть на стол: — Детей можно класть на стол? «Нет, можыт иво младенская, такая балезнь». — На стол ребенка можно класть? «Нильзя. И чирис стол пиридавать нильзя. И ни учить дитя ходить па сталу. Стол ешь стол».[2] Особые запреты касались люльки младенца: ребенка запрещалось передавать через люльку, смотреть на спящего в люльке со стороны изголовья, нельзя также качать пустую люльку: «Ну вот дитям жы приказана: ну што ты качаиш, у дитя

галовачка будить балеть! Ну што ты качаиш» [2]. Из наиболее часто фиксируемых запретов, органично входящих в родильно-крестильный обряд, стоит также упомянуть запрет до года сричь детей.

Другой обряд, в рамках которого встретилось огромное количество запретов, — похоронный. Соблюдение определенных правил нужно, во-первых, для того, чтобы обеспечить покойнику счастливую жизнь на «том свете», а во-вторых, чтобы последствия контакта с умершим не отразились негативно на живых людях. Первая группа запретов касается правильного проведения похорон: «Харанили биз вина, биз вотки, биза фсиво. Первая, фтароя, третья» [2]. В некоторых других районах Ростовской и Волгоградской областей это объясняется тем, что покойники на том свете будут стоять по колени в водке. Старожилы учитывают и то, в какой день проходят похороны и поминавание. Как рассказали нам жители Раздорской, нельзя допускать присутствие скоромной пищи в постный день: «Абеды када сабирають па усопшай душе, абизатильна скромна. Вот например щас Питрофский пост, значить, абизатильна сохранять абет иминна ф таком садиржании. Штобы ни была скаромнай пищи: мяса, малака, ииц. Штобы была скромная паминавения. Асобинна када Виликий Пост» [2].

По словам информатора, существуют такие дни, когда вообще запрещается поминать умерших: «Пирит Пасхай асобинна строгая паминавения идеть. И пирит Пасхай дажы пакойники ни паминаюца. Патаму шта гаспоть нисеть страдания. И па книгам нипаложына дажы. Када вот пирит Пасхай, эта называица страшная сидьмица. Там дажы нипаложына поминать пакойникаф» [2].

Для того чтобы не навредить душе покойного, на поминальном столе не должно было быть острых предметов – ножей, вилок.

Группа запретов, призванных оградить живых от влияния мертвых, связана, прежде всего, с родными умершего. Им запрещается обмывать тело, одевать покойника, считается, что нести гроб тоже должны посторонние люди: – Кто несет гроб? «Канешна, па старому обычаю лучшы фсиво нирадным нисьти. А проста, хто силён – мущина там. Па абычию гаваряць, нильзя радным» [2].

Особая группа табу касается умерших неестественной смертью, так называемых «заложных покойников». В народной традиции людей, наложивших на себя руки, считают «нечистыми», поэтому их запрещается поминать: «Ни паминают утоплиникаф, если он сам налажыл на сибе руки» [2], отпевать в церкви и хоронить на кладбище. В разных станицах говорят о том, что самоубийц хоронят за оградой кладбища, на дороге, во дворах. Традиция захоронения во дворе очень древняя, услышать об этом можно только от самых старших жителей того или иного населенного пункта. В ст.Раздорской и х.Каныгин старожилы еще помнят об этом обычае: «Раньшы душлиных и утопых ни харанили, нет, на кладбищи ни харанили. Или ва дваре у сибе или там спициальна где, пад деривам. – Почему под деревом? Я так понимаю, штобы ни талклися на этом месьти. Так на магилку ты никагда ни наступиш» [2]. Запрет хоронить на кладбище распространяется также на некрещенных детей.

Человек, потерявший близкого родственника, должен соблюдать определенные правила отношения к умершим. На материале экспедиции 2001 г. запрет долго плакать и тосковать по покойнику встречается очень часто. Жители станицы говорят, что «притсказаня такая, што ни плачь, а то ф слизах будиш фсю жысьть» [2]. Такое толкование запрета встречается довольно редко и представляет интерес для исследователя. Более традиционное объяснение запрета заключается в том, что к горюющей вдове может прийти нечистый в обличье мужа. Иногда сами запретные формулы сопровождаются развернутым рассказом об этом. В Раздорской мы записали такой рассказ. Выводом из него является следующий запрет: «...ана день и ночь кричит, день и ночь плачит. Так што ты пиристань, говорю, а то... Нильзя этава делать, нильзя задумывать. Нильзя так делать. Ты за ним следам пайдеш. – Значит, плакать нельзя? Нильзя ни ф коим случии. Фсе таскують, я ей сказала: сколько пагибла у нас народу. Каждый таскуить па сваиму роцтвинику, но так убиваца тожы нильзя» [2].

Нельзя также и плохо отзываться о покойном, по мнению жителей станицы «...эта хто зьделаить, можыт ни к памити асуждаить чилавека, то эта на нем будить грех» [2].

Казак ст.Раздорской почитают различные церковные праздники. Главными праздниками считали Пасху, Крещение, Рождество, Троицу. Согласно традиции, на «годовые» праздники нельзя работать и совершать определенные действия: мыть голову, выезжать на поле, рубить и так далее. В среде казаков почитали и дни святых: Петра и Павла, Ильи, Николая Угодника и других. Интересный запрет, связанный с днем Усекновения, был записан от жительницы станицы: «Строгий празьник, я знаю один празьник. Адинацатая синьтибря эта

усикнавание главы прарока притьтечи. иму усикли голува. Эта такой пичальный празьник. Дажы старьи люди гаварили, от претках вот гаварили, што дажы нажом ни резали. Как раз жы синьябрь месец, арбузы спеють, винаграт уже спеить. Арбузы разбивали и лошками ели, ну нигде ни написана, што иминна ни резать нажом, а пачимута вот старьи люди... Ну они падражали, што вот мы ни будим, гаварили, вот как ета, ниверующи. Как верующи, как сабализнующи йиму, этому прароку» [2].

Нарушение этого запрета не связывается с наказанием. Этот пример свидетельствует о том, что запрет может в качестве своей функции иметь выказывание уважения к кому-либо.

Все перечисленные запреты можно отнести к обрядовым. Но существуют и правила, определяющие повседневное поведение. Бытовые запреты ограничивают всю жизнь человека, они маркируют собой наиболее значимые предметы быта (нож, посуда, стол), части жилища (окно, порог, погреб). Много запретов связано у русского народа с процессом строительства дома [1]. Казаки станицы верили, что жизнь в новом доме напрямую зависит от того, правильно ли выбрали место для дома. Запрещалось строить дом на месте бывших дорог, кладбища, на месте сгоревшего дома: – Можно ли строить дом на месте пепелища? – «Гаварять нет, ну пажар жы на этом месьти. Посли пажара строить нильзя. Рядам можыш поставить, но только ни на этом месьти» [2].

Разные части дома тоже ограничены запретами. С матицей, дверью, печью связано много правил. В особую группу можно выделить запреты, которые маркируют поведение за столом и по отношению к столу. Стол в доме соотносится с алтарем в церкви, считается святым местом, «божьим престолом», за которым позволено только принимать пищу. Поэтому запрещается класть на стол посторонние предметы: шапку, ключи; недопустимо сидеть на столе: «Ругали фсигда – на стол ни садись, грех» [2]. По поверьям, вокруг стола нельзя обходить, нельзя качать ногой, сидя за столом: «Чиртяку качаиш» [2].

Изучая запреты, можно определить, какие предметы, действия являются наиболее значимыми для современного носителя традиционной культуры. Запреты, регламентирующие бытовую жизнь, позволяют выявить мифологический слой в повседневности, также они помогают установить связь между повседневностью и обрядом.

Историко-культурные и природные исследования
на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 2, 2004 г.

* Все тексты, использованные в статье, записаны во время экспедиции в ст. Раздорскую Усть-Донецкого района в 2001 г. При графической передаче текстов курсивом обозначается речь информаторов, обычным шрифтом – вопросы собирателей.

Библиографический список

- [1] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – М.: Наука, 1983.
- [2] Полевые материалы Фольклорно-этнолингвистической экспедиции РГУ.
- [3] Толстая С.М. Беременность, беременная женщина // Этнолингвистический словарь «Славянские древности». – Т. I. – М.: Международные отношения, 1995. – с. 160-164.